

Анимация как визуальный язык гендера: контент-анализ российских и западных мультфильмов.

Научный руководитель – Панфилова Анна Олеговна

Хохрикова К.О.¹, Петрова А.Я.²

1 - Дальневосточный федеральный университет, Школа гуманитарных наук, Кафедра социальных наук, Владивосток, Россия, *E-mail: ksenia.hohrikova@yandex.ru*; 2 - Дальневосточный федеральный университет, Школа гуманитарных наук, Кафедра социальных наук, Владивосток, Россия, *E-mail: alinalokyfi@mail.ru*

Опыт и данные различных исследований показывают, что анимация играет важную роль в формировании гендерных стереотипов и представлений о «женском» и «мужском». Ward L. M. и Grower P. подчёркивают, что устойчивые медиаобразы способствуют закреплению нормативных гендерных ролей и ожиданий [4]. Santoniccolo F. и его соавторы, обобщая литературу о гендерных стереотипах, показывают, что визуальные коды и телесная репрезентация в медиа являются центральными механизмами конструирования феминности и маскулинности [3]. Это подтверждается и работами, в которых анализируются женские персонажи в 116 мультфильмах, а также динамика их образов в исторической перспективе [2]. В отечественной науке аналогичные процессы конструирования гендерных образов в анимации представлены в работах П.А. Шиковцовой, где рассматриваются гендерные режимы в мультфильмах и эволюция образа современной Золушки от пассивной к активной героине [1].

Учитывая актуальность и современность данного поля исследований, представляется важным проследить, как меняются визуальные и ролевые репрезентации феминности и маскулинности в российской и западной анимации разных периодов с опорой на анализ персонажей.

Эмпирической базой нашего исследования является контент-анализ 21 анимационного проекта, включающий 84 персонажа. Отечественная выборка охватывает четыре периода анимации с 1982 по 2025 год; западная - с 1993 по 2025 год. Отбор произведений осуществлялся с учетом их популярности, тиражируемости и культурной значимости.

Авторская кодировочная схема включает 46 индикаторов (внешность, ролевые позиции, поведение, система санкций и наград), сгруппированных в блоки. Ключевые индикаторы оценивались по шкале от 0 до 3 баллов, после чего рассчитывались средние индексы для женских и мужских персонажей по периодам.

В отечественной выборке женские образы демонстрируют колеблющийся, но, в целом, восходящий тренд феминности (от 1 до 1,8) при относительной стабилизации маскулиных характеристик после пика (1,69) и последующего плавного снижения (1,57). Наиболее показателен рост андрогинности, достигающий к 2015–2025 гг. максимума (2,9), что указывает на интеграцию «смешанных» поведенческих кодов. Визуальная стереотипность также усиливается. При этом среди женщин увеличивается доля самостоятельных персонажей и со-руководителей при сокращении лидерских позиций. К последней декаде полностью нивелируется влияние гендера на систему наград и наказаний.

Мужские образы в отечественной мультипликации проходят через фазу гипермаскулиного пика (2,19) с последующей умеренной редукцией, при одновременном кратковременном усилении феминных и андрогинных черт во второй декаде. К финальному периоду фиксируется рост самостоятельных персонажей и сокращении со-руководящих ролей. Визуальная репрезентация нестабильна, по сравнению с женщинами крайне мала, достигает минимума во второй декаде (0,33). Как и в случае с женщинами, к 2015–2025 гг. гендер

полностью утрачивает значение как фактор распределения санкций. На наш взгляд, это отражает культурную нормализацию вариативности гендерного поведения.

В западном контексте (1993–2025 гг.) женские репрезентации характеризуются устойчиво высокими показателями феминности (1,76–1,83) и андрогинности (с пиком 2,23) при умеренной динамике маскулинных характеристик. Визуальная представленность стабильно высока (2–2,5), что указывает на значительную символическую насыщенность женских образов. Однако в иерархическом измерении фиксируется сокращение самостоятельных ролей и рост подчинённых позиций, что демонстрирует парадокс: при культурной видимости и стилистической сложности образа, автономия женских персонажей снижается. Дополнительно сохраняется санкционная логика: во втором и третьем периодах доминирует наказание за нарушение гендерного соответствия.

Мужские репрезентации на Западе демонстрируют постепенную деконцентрацию маскулинности (с 2 до 1,62) и снижение феминных характеристик при сохранении относительно высокой андрогинности. Лидерская позиция остаётся доминирующей. Вместе с тем к последнему периоду усиливается тенденция к нейтрализации гендера в системе наград и наказаний (до 83 %).

Отдельного внимания заслуживает структурная трансформация творческих коллективов, стоящих за созданием анимационных проектов. Рост присутствия женщин-режиссеров, а также расширение доли смешанных команд можно рассматривать как один из факторов изменения медиаобразов феминности и маскулинности.

Так, в российской выборке прослеживается движение к андрогинизации образов и постепенной нейтрализации гендера как основания для санкций, что свидетельствует о культурной нормализации вариативности ролей и поведенческих кодов. При этом трансформация затрагивает не только характеристики персонажей, но и их ролевые позиции, хотя перераспределение лидерства остаётся неоднозначным. Западная анимация развивается по иному сценарию: при яркой визуальной стереотипности, структурная самостоятельность остаётся ограниченной, а механизмы символического «наказания» за несоответствие гендерным ожиданиям частично сохраняются. Мужские персонажи в обеих традициях проходят через редукцию гипермаскулинности, однако лидерский статус на Западе остаётся устойчивым. Таким образом, анимация фиксирует переход от жёсткой бинарности к более гибким моделям гендерной репрезентации, но этот процесс протекает асимметрично и сопровождается внутренними противоречиями между символической видимостью и реальным распределением ролей.

Источники и литература

- 1) Шихавцова П. А. Гендерные режимы в мультфильмах или о том, какой должна быть современная Золушка // INTER: коммуникация исследований. 2020. № 1. С. 112–125. URL: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/5884/5714>
- 2) Raju S. A., Sanders S. R., Bolton-Raju K. S. [и др.] A Cohort Study of the Diversity in Animated Films From 1937 to 2021: In a World Less Enchanted Can We Be More Encanto? // Cureus. 2023. Vol. 15, No. 8. e43548. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10502396/>
- 3) Santoniccolo F., Trombetta T., Paradiso M. N., Rollè L. Gender and Media Representations: A Review of the Literature on Gender Stereotypes, Objectification and Sexualization // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20, No. 10. e5770. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10218532/>

- 4) Ward L. M., Grower P. Media and the Development of Gender Role Stereotypes // Annual Review of Developmental Psychology. 2020. Vol. 2. P. 177–199. URL: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-devpsych-051120-010630>